

Религиоведение. 2020. № 3. С. 45–54.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 3. P. 45–54.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.3.45-54

Конталева Е.А.

*Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21
narbeleth@bk.ru*

Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина)

Аннотация. Статья посвящена феномену фронтальной ментальности и её синкретическим особенностям и маргинальным чертам. Будучи порождением порубежья, этот тип ментальности представляет собой сложный конструкт, специфическую идейно-психологическую формацию, черты которой, с одной стороны, обуславливаются социальными, географическими, историческими и иными факторами, а с другой – эксплицируются во внешнюю среду, встраиваясь в различные сферы человеческого бытия. В среде русских эмигрантов, являвшихся носителями русской логоцентричной культуры, одной из главных таких сфер становится творчество, в частности литература. Через слово фиксировались не только индивидуальные черты личности авторов, но и общие черты фронтальной ментальности и ментальности этого исторического периода. Автор на примере художественной этнографии предпринимает попытку вычленить эти черты и основные тенденции в ментальности русских эмигрантов в Китае.

Ключевые слова: фронт, Дальний Восток, религиозный синкретизм, ментальность, русская эмиграция, художественная этнография

Evgeniya A. Kontaleva

*Amur State University
21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russia, 675027
narbeleth@bk.ru*

Religious and Syncretic Foundations of the Mentality of Russian Emigrants (On the Example of Literary and Ethnographic Prose by N.A. Baikov and P.V. Shkurkin)

Abstract. The article reveals the phenomenon of frontier mentality and its syncretic features and marginal character. Being the birth of the border (frontier), this type of mentality is a complex construct, a specific ideological and psychological formation, the problems of which, on the one hand, are determined by social, geographical, historical and other factors, and on the other hand, are exposed to the external environment and embedded in various spheres of human existence. Among Russian emigrants who were carriers of the Russian logocentric culture, creativity becomes one of the main such spheres, especially literary one. Through the word, not only individual personality features of the authors were recorded, but also common tendencies of frontier mentality and the mentality of this historical period. The author, using the example of literary ethnography, makes an attempt to distinguish these features and the main trends in the mentality of Russian emigrants in China.

Key words: frontier, Far East, religious syncretism, mentality, Russian émigré community, literary ethnography

Феномен Русского Харбина является поистине уникальным: будучи изначально находящимся «меж двух миров», он явился местом существования особенной жизни и ментальности как особого мировосприятия человека или группы, обусловленного индивидуальным и коллективным опытом, исторической эпохой, географическим (в данном случае – порубежным, фронтирным) положением и испытывающим значительное влияние бессознательных структур.

Историческая обстановка и само культурное пространство восточной ветви русской эмиграции создавало благоприятные условия для развития, восприятия и транслирования разнообразных мистических мотивов, особенно сквозь призму литературного творчества. Мистические, религиозные, мифологические, фольклорные элементы в той или иной мере были частью произведений многих харбинских художников слова: А. Хейдока, А. Несмелова, М. Щербакова, Б. Юльского, В. Перелешина, В. Марта, Я. Ловича, П. Шкуркина, Н. Байкова и др. Страницы рассказов, повестей, выходявших из-под их пера, содержали теософские идеи и идеи Рериха; элементы древних культур, религий, философий Востока; спиритуализм, гадания, народные поверья, символизм, магический и мистический реализм и многое другое.

При изначально «отчуждённом» расселении русских в Китае и взятом ими курсе на сохранение идентичности, их «культурная отзывчивость», безусловно, повлияла на восприятие ими китайской действительности. Русские поселенцы были носителями особого рода ментальности – фронтирной; специфической «духовной формации, выражающей идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья» [Забияко, 2009, 10]. Они были потомками или продолжателями дела дальневосточных первопоселенцев, в социально-психологическом плане представлявших собой неоднородный и противоречивый конструкт, которому были свойственны романтизм, авантюризм, открытость и восприимчивость к инокультурным паттернам [Забияко, 2009, 33]. Специфические особенности дальневосточной *imago mundi* отмечали и сами эмигранты: «Обыкновенно тех, кто решился ехать в эти “гиблые места”, провожали, как на тот свет! И не даром, так как люди, забравшиеся на Дальний Восток, почти никогда не возвращались к себе на родину и, постепенно теряя с нею связь, становились “камчадалами”, т.е. людьми со своей особенной психологией и мировоззрением» [Забияко, 2010, 5–7].

Русские изгнанники были людьми порубежья в самых разных его смыслах – пространственном, темпоральном, онтологическом и т.д., и именно пространственное измерение их жизнестроительства определило взаимодействие культур – прежде всего, русской и китайской, а также поспособствовало возникновению процессов синкретизации.

Фронтирное положение эмигрантов не могло не заставить их обратить внимание на разнообразные, в чём-то дикийные этнографические особенности местных народов, а некоторым писателям (прежде всего, П. Шкуркину, Н. Байкову, В. Марту, М. Щербакову, Б. Юльскому) – художественно изложить эти особенности на бумаге. Судьба каждого из них по-разному привела их к восточной, прежде всего, китайской теме, но объединяющим началом выступал живой интерес к Китаю, индивидуальная потребность в изучении китайских традиций, религий, быта, и «постепенно реалии дальневосточного фронта, неотделимые от мифологических представлений местного населения, захватили практически всех наиболее крупных художников слова, различающихся по возрастным, эстетическим и географическим ориентирам» [Забияко, 2013, 27]. Так в среде восточных эмигрантов постепенно складывается традиция или направление *художественной этнографии*, которое подразумевает «художественное освоение автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определённого этноса, населяющих определённые географические пространства» [Забияко, 2015, 244]. На страницах рассказов и повестей оживают древние китайские легенды о тигре, о корне жизни – женьшене, о духах тайги; живо описываются реалии быта хунхузов, сборщиков женьшеня, звероловов. Сама тайга представляет не просто декорацию, место, где разворачиваются события, где реальные эпизоды и фигуры предстают в виде художественных мифологем, – она становится полноправным участником повествования.

Одним из главных представителей художественной этнографии был Николай Аполлонович Байков (1872–1958) – военный, натуралист и писатель, проведший 14 лет в Маньчжурии, собирая научный материал, участвуя в охоте на тигров, борясь с хунхузами как командир Заамурского полка [Ким, 2009, 9–52; Русские, 2015, 270–290]. Он стоял у истоков изучения фронтальной ментальности, застав таёжное пространство Северо-Востока Китая и социокультурные процессы, протекавшие там, в аутентичном виде.

Несмотря на то, что Байков ещё с начала 1900-х годов создавал различные очерки о Маньчжурии, славу ему принесла изданная в 1914 году книга «В горах и лесах Маньчжурии». Эта внушительная по объёму публикация включила в себя и самые ранние очерки – в чистом виде натуралистические («Флора и фауна»; «Добывание пантов», «Змеи и их приручение», «Зоография» и др.), и более поздние, где мышление и интерес учёного сталкивается с художественным видением писателя и объединяет этнографические, натуралистические, художественно-поэтические и даже мифологические элементы («За хунхузами», «Тигровьи ночи», «Тайга шумит», «Корень жизни» и др.). Особое внимание он – сам человек порубежья – отводит рассмотрению вопросов этнического самосознания, подмечая этнокультурные, социокультурные, религиозные основания и переходя в попытке понять их фронтальную природу «от позитивизма до теософии, от панмонголизма до ницшеанства» [Забяко, 2015, 162].

Как и Шкуркин, Байков рисует портрет хунхузов – портрет двойственный, строящийся на близком знакомстве писателя с краснобородыми разбойниками и глубоким понимании самого феномена хунхузничества. Тем не менее, в отличие от Шкуркина, Байков более строг к хунхузам, к их образу жизни. Чаще всего хунхузы предстают в его текстах как совершенно «дикие люди», встреча с которыми для русского человека знаменует неприменную ужасную гибель. Они способны на зверства и жестокость: так, поймав старика Лу-фа-бина – охотника за женьшенем, – они, в целях выведать у него, где он прячет корни, подвергают его жестокой, смертельной пытке: «Быстро сняли с его ног кожаные бродни, подняли шаровары выше колен и положили голые ноги старика пятками на горячие угли. Сначала пошёл дым, затем распространился смрад от горелой кожи и мяса» [Байков, 1934, 74]. Писатель показывает неприглядные отношения между самими хунхузами: пытаясь завладеть драгоценными корнями, они убивают друг друга, последний владелец – хунхуз Ван-до – погибает в крушении джонки, и корни попадают к бедной корейской семье – «тихому, честному [здесь и далее курсив мой. – Е.К.] народу», глава которой вылавливает труп Ван-до своими рыбацкими сетями. Здесь очевиден и морализаторский, философский посыл, и реминисценция архетипического фольклорного мотива бескорыстия, простоты, чистоты души, когда главное сокровище достаётся социально и экономически обездоленному герою, не ищущему наживы специально.

Помимо своеобразных хитросплетений мышления и верований таёжного люда, Байков демонстрирует и собственное синкретическое мировоззрение: в текстах уживается анимистическое мировосприятие и христианские взгляды, языческий фатализм и научный скепсис, которые во многом были определены не только особенностями его личности, но и эпохой, ознаменовавшейся переходом к осмыслению самой природы мифа [Забяко, 2010, 125–126]. Фатализм, особое отношение к судьбе, яркие образы, иллюстративно живописующие рок и фортуна, вероятно, имеют под собой более глубокие основания, нежели простое желание передачи этнографического материала. Эмигранты в каком-то смысле переживали обряд перехода – экзистенциальную ситуацию, в которой происходит процесс смерти и возрождения, и которому сопутствуют такие категории как «судьба», «рок», «предопределение» и др., прочно укоренившиеся и в какой-то степени даже определявшие эмигрантское сознание [Забяко, 2010, 124].

Байков, как и Шкуркин, отмечает тайгу как особое пространство, где всё «располагало к размышлению и душу наполняло какое-то чувство мира и успокоения. Мысль уносилась далеко в это глубокое голубое небо, являлось смутное сознание своего ничтожества и бесконечности вселенной, создавалось представление о Боге, о мировой безграничной воле» [Байков, 1914, 79]. Писатель воспринимает

тайгу как сакральное место, обладающее собственной волей, отзывющееся на действия человека: так, описывая молитву старого китайца Саланцзыра, Байков отмечает, что «<...> с ним вместе молилась дремучая старая тайга, напевая свою торжественную суровую песню» [Байков, 1914, 100]. Для Байкова тайга была не только местом, «где царит ещё древний языческий бог первобытных лесов», она имела и натуралистически-философское, даже экзистенциальное измерение, будучи воспринимаема им как «океан вечного движения материи», где «жизнь оканчивается смертью, смерть вызывает жизнь» [Байков, 1914, 113]. При этом писатель, «сердце которого билось далеко в России», подчёркивает чужеродность этого пространства, вызывающего у него тоску по родине: «Эта необыкновенная обстановка среди чужой, дикой, но прекрасной и величественной природы навевала чудные грёзы и уносила в мир воспоминаний, образов и картин давно минувшего. Вставали передо мной берега родного Днепра; тихие, мирные сёла и хутора приветливой Украины; зубчатые стены старинного Кремля московского; города и деревни Руси православной <...>» [Байков, 1914, 138].

Для носителей дальневосточной фронтальной ментальности тайга действительно была священным локусом, «стирающим этническое своеобразие» и заставляющим сакрализовать не только её пространство, но и обитателей [Забяко, 2011, 155]. В пространстве Шу-Хая «люди и звери сохранились в первозданной обстановке дикой пустыни»; человек «влачит жалкое существование, ведя неустанную борьбу с дикой природой» [Байков, 2009, 99], а перцепция дальневосточными таёжниками окружающей действительности приближена к мировосприятию природы первобытным человеком.

Таёжные звероловы мифологизируются Байковым, противопоставляются европейским охотникам, индийским шикари и т.д. и наделяются специфическими чертами, представляя людьми, которые имеют «особые нервы, особую психику и исключительную натуру» [Байков, 1939, 32]; описания людей часто приобретают зооморфные черты: одни напоминают медведей, другие имеют «рачьи глаза», «бычачью шею», «орлиные глаза» и т.д.

Полумистическое восприятие тайги Байковым передаётся и на образ тигра, что не удивительно. Маньчжурская тайга представляла собой совершенно дикое место, «лихолесье», где тигров было едва ли не больше, чем людей. Заядлый охотник Байков тесно общался с местными звероловами, в дневных походах и ночами у костра или на тёплом кане так или иначе выпитывая и перенимая их благоговейное, смешанное с ужасом отношение к хозяину тайги – «великому Вану».

Ещё в более ранних работах Байков, в 1910–1914 годах обучивший подчинённую ему роту ходить на тигра в одиночку, за что рота была прозвана «тигриной», раскрывал не только натуралистические аспекты «тигриной темь», но и религиозные, суеверные: о приписывании китайской медицинской частям тела тигра чудодейственных сил и сверхъестественных свойств даже, к примеру, отпечаткам тигриных лап; о вере китайцев в то, что тигр, отмеченный иероглифом «ван» (кит. 王 wang), представляет собой вторичное воплощение души человека, искупающей свои грехи или грехи рода; об исторически распространённом и среди других народов табуировании имени животного (в данном случае, слова «тигр» (кит. 老虎 laohu) и эфемистической его замене: например, «хозяин», «властелин»; об использовании тигриных когтей, зубов, костей, шкуры в качестве амулетов; о принесении хозяину тайги человеческих жертв и др.¹

Байков передаёт в текстах суеверия и поверья, связанные с тигром. Так, в очерке «Жертва горному духу», он рассказывает о ритуальной казни китайца – принесение его в жертву Вану путём привязывания к стволу дерева (зимой) – за нарушение законов тайги. После свершения казни, Байков и Бобошин убивают тигра-людоеда, а весной, когда Байков возвращается к фанзе старика Тун-Лина, где всё произошло, тот рассказывает легенду: «Душа человека, съеденного Ваном, <...> витает здесь же, недалеко от того места, где разорвано его тело. Она переселилась в птицу Цяор², которая летает в горах, по вершинам вековых кедров и жалобно стонет, называя своё имя. Увидеть её простому человеку нельзя, это доступно только великому праведнику и безгрешному, с чистым непорочным сердцем.

Если ты пойдёшь на этот крик из любопытства, он заведёт тебя в глубину тайги, ты заблудишься и попадешь в лапы Горного Духа. Птица эта хранит золото и жэнь-шэнь и приводит к Вану обречённого человека. На том месте, где разорван человек, из крови его вырастает весной красный мак – это великий талисман и лекарство от болезней» [Байков, 1934, 14]. Писатель спрашивает старика отвести его к дереву. Когда они приходят, повсюду видны красные маки. Старик совершает молитву, и вдруг слышится крик «неведомой птицы», которую Байков, как ни старался, не смог разглядеть. Байков никак не объясняет этот эпизод (как и многие другие подобные) и, возможно, причиной тому является его сложное, синкретическое сознание. Так и к вышеупомянутому Акидину Бобошину, образ которого был мифологизирован китайцами, Байков нет-нет, да отнесётся как к чудо-человеку: «<...> мне казалось, что среди этих грозных звуков разбушевавшейся стихии я слышу густой бас своего приятеля, Бобошки, и вижу его колоссальную фигуру на горном перевале Лао-Лина» [Байков, 1934, 48].

Байков создал большое количество произведений – как художественных, так и чисто этнографических или натуралистических, но главной его работой, безусловно, считается «Великий Ван». Отмечая корни культа тигра (и других представителей кошачьих в разных регионах мира) в мистическом настрое «полудикого народа» (периода архаики – *Е.К.*), писатель, тем не менее, наделяет тигров, внушающих «обаяние и мистический ужас» народам Восточной Азии, антропоморфными чертами: они действуют и помышляют, как люди, «напевают любимую песенку», строят планы, лобуются своими детьми, способны чувствовать зависть, могут ставить материнские чувства выше зова природы и способны даже на рефлексию: «<...> мозг её [маленькой тигрицы] работал усиленно, переваривая как в котле пережитые впечатления дня. В уме её складывались уже определённые заключения, фиксируя конкретные очертания и формы» [Байков, 2009, 87].

Сам Великий Ван выступает в роли культурного героя, жизни и происхождению которого присущи необычайные мотивы: так, смерть отца Вана, корейского тигра, умершего на вершине священной горы Бай-Тоу-шань в пещере Великого Духа Дракона, ознаменовалась землетрясением и волнением священных вод небесного озера. Сам же Великий Ван является воплощением души праведного человека, которая после смерти тигра переходит в цветок лотоса, «невидимый для смертных, и пребывает в нём до полного очищения и слияния с мировой душой Вселенной» [Байков, 2009, 95].

Необходимо отметить, что именование «Великий Ван» не относится к какому-то одному конкретному тигру: и в сознании народов, населяющих Маньчжурию, и на страницах произведений Байкова Великим Ваном считается тот тигр, у которого на лбу и затылке виднеются иероглифы «Ван Да» (кит. 王大 Wang Da), означающие «великий князь» (правитель).

Конечно, не обошёл вниманием Байков и легенды о корне жизни – женьшене. Он был одним из первых, кто опубликовал материал по женьшеню³, включив туда и научные изыскания, и мифологические представления относительно этого растения: «Среди китайцев живёт поверье, что ранней весной, когда наливаются бутоны его цветов, оно издаёт особый белый свет; бывает это только в одну ночь в начале мая и, тогда-то именно выкопанный корень имеет чудесную силу не только врачевать болезни, но и воскрешать мёртвых. Добыть корень в эту ночь очень трудно, так как его стерегут дракон и тигр, и всякого осмелившегося приблизиться к цветку, они разрывают» [Байков, 1934, 72]. Любой русский человек заметит в этом пассаже сходство с народными представлениями о цветке папоротника, которые в разных формах бытовали в Восточной (Россия, Украина, Белоруссия, Польша и др.) и Северной Европе (Эстония, Латвия, Литва, Швеция и др.).

Этнографические изыскания Н.А. Байкова в большинстве своём имели стихийный характер, не будучи подкреплёнными какими-либо теоретическими выкладками, которые будут созданы позднее. Тем не менее, именно эта непосредственность, непредвзятость фактически сыграла роль своеобразной феноменологической редукции, позволив Байкову собрать и передать мифологические представления таёжников, создать их уникальный этно-, социокультурный и этнорелигиозный образ.

С другой стороны, подобная открытость и восприимчивость писателя сформировала в его сознании собственные синкретические образы, переданные им в текстах, где, отражая сложностные представления китайцев и маньчжуров, в которых смешивались Конфуций, Лао-цзы, духи гор и лесов, создавались неомифологические герои (Бобошка), Байков и сам поддавался этим настроениям. Более того, японской культуре образ самого писателя, именуемого «Байков-о» («Мудрый старец Байков») ввиду его удивительного проникновения в понимание специфики пространства Дальнего Востока и особенностей его жителей, приобрёл архетипические черты старого мудреца и превратил фигуру Байкова в «мифологема дальневосточного фронта» [Забияко, 2011, 159].

Другой выдающейся фигурой в художественной этнографии стал Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943) – офицер, переводчик-востоковед, преподаватель, один из основателей Общества изучения Маньчжурского края и член Общества русских ориенталистов. Он самостоятельно выучил китайский язык, в разное время при разных обстоятельствах тесно соприкасался с китайской культурой и её носителями: в путешествиях, во время научных командировок, в ходе совместной работы, военной службы, переводческой и преподавательской деятельности⁴. Уже в начале своего пребывания на Дальнем Востоке (он приезжает в 1889 году) Шкуркин начинает переводить и фиксировать корейские, китайские, маньчжурские сказания, легенды, мифы, в дальнейшем перелагая их в своих произведениях⁵.

Одной из главных тем художественной рефлексии П. Шкуркина становится хунхузничество⁶. Хунхузы (от кит. 红胡子, honghuzi – «краснобородый») – бандиты, преступники, промышленные разбои на территориях Маньчжурии, Кореи, Монголии и восточных границ российского Дальнего Востока во второй половине XIX – первой половине XX века [Ершов, 2010]. Интерес писателя к этой теме был во многом обусловлен его деятельностью как полевого офицера, борového с хунхузничеством на территориях Дальнего Востока.

Образ хунхузов постепенно приобретает мифологические черты, чему способствует не только поведение и облик разбойников (покраска бород в красный, использование масок и т.д.), но и само пространство, в котором они действовали: маньчжурская тайга представлялась сакральным местом, где действуют свои законы, находятся различные звери и растения, которым приписываются сверхъестественные свойства – прежде всего, тигр, женьшень: «Горы покрыты непроходимыми лесами, и в этих лесах растёт таинственная волшебная трава орхой-да или жэньшэнь, способная влить новую жизнь больному телу. Но горе тому смельчаку, который, <...> найдя [корешок], бросится тотчас вырывать его из земли, забыв от радости, что сначала следует помолиться и возблагодарить духов гор и владыку здешних мест – грозного амба-лао-ху! Тотчас *неведомо откуда* появится страшный лао-ху (тигр со священным иероглифом “ван” (князь) на лбу <...>» [Шкуркин, 2009, 64] (курсив мой. – Е.К.). В рассказе «В гостях у хунхузов» Шкуркин пишет о тайге следующее: «Немая, жуткая тишина действовала на душу и превращала безмолвный лес в какой-то таинственный храм невидимого бога...» [Шкуркин, 2019, 47] и, заявляя о небеллетристической этнографичности своих рассказов, тем не менее, не может полностью отказаться от мифологизации образа и жизни хунхузов.

Несмотря на сложившийся образ хунхуза как «кровожадного разбойника, жестокого грабителя, вора, вероломного обманщика, человека-зверя, чуждого всякого понятия чести, ненавидящего иностранцев (особенно русских) и т.д.», писатель нередко подчёркивает положительные качества – «верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине», отсутствие подлости и предательства, стремление сохранить честь и исполнить долг и т.д. [Шкуркин, 2019, 9–10]. Шкуркин в целом, в отличие от, например, Н. Байкова, демонстрирует положительный интерес по отношению к хунхузам, в некоторой степени даже романтизирует их, сравнивая с поэтическими образами духовно-рыцарских орденов времён средневековья и передавая эти настроения прежде всего через фигуры разбойничьих атаманов: справедливого Чжана Лао-эра («Отплата»); строгого, дисциплинированного и мудрого Фа-фу («В гостях у хунхузов»), Хань Дэн-цзюй («Маньчжурский князь») и др. При этом, конечно, Шкуркин не мог полностью избежать

изображения «демонических» черт хунхузов и описания царящей в некоторых группах жестокости: так, в рассказе «Отплата» рассказывается о зверском убийстве Мити – маленького сына казака по фамилии Бухрастов [[Шкуркин, 2019, 11–18].

Будучи хорошо знакомым с мифологической и религиозной картиной мира народов Дальнего Востока, писатель не оставляет без внимания и религиозно-философскую составляющую хунхузничества. Шкуркин передаёт синкретические воззрения хунхузов: например, описывает их жилое помещение, где изображён Гуань-ди (кит. 關帝 Guan di), возле которого находятся благовония и «стол для восьми духов» – «ба сянъ чжоцзы» (кит. 八仙桌子 baxian zhuozi) [Шкуркин, 2019, 49]. Культ Гуань-ди, являвшегося реальным военачальником по имени Гуань Юй и позднее превратившегося в божество войны и богатства, наряду с элементами буддизма, конфуцианства и даосизма (восемь духов (бессмертных), упоминаемых Шкуркиным, относятся как раз к даосской мифологии), издавна был органично включён в синкретическую народную религию китайских крестьян, где его часто называли просто – «лао-е», т.е. «господин» [Рифтин, 2006, 420–422].

Китайской культуре и религиозной традиции в принципе свойственно мифологизировать и обожествлять исторических персонажей, в особенности героев, полководцев, военачальников и т.п. (культы Шан-ди, Нефритового императора, мэнь-шэней и др.). Неудивительно, что этот процесс в его неомифологическом ключе происходил и позднее, в том числе, рассматриваемый нами период, и не мог не быть воспринятым художественным сознанием литераторов: для Шкуркина хунхуз становится легендарным героем, а его образ приобретает культовый характер, встраиваясь во «фронтирную мифологию» автора. Шкуркин, с одной стороны, передаёт особенности мировоззрения таёжного человека, которое схоже с миропониманием первобытного человека, с «генетическим синкретизмом» и синкретизмом более поздним, «вторичным», а с другой – следует по пути мифологического построения. Так, в рассказе «Маньжурский князёк» сама Маньжурия предстаёт в рассказе как «чудной, сказочный» край, где в горном озере живёт дракон, расплавленные вырывающимся из гор пламенем камни текут вниз, в лесах растёт таинственная волшебная трава (женьшень), а пространством ведают духи гор и властелин-тигр. Главные же герои рассказа – дед Хань Бэнь-вэй и внук Хань Дэн-цзюй – приобретают черты архетипических культурных героев.

Один из ярких примеров подобного мифологизирования, деификации человека также описан, например, Н.А. Байковым: из реальных фигур таёжных охотников Дорошина и Бобошина постепенно сформируется почитаемый китайцами фантастический образ Бобошки, изображаемого в кумирнях в виде тигроголового великана: «В одной из кумирен, на перевале хребта Лао-э-лина, над алтарём, где жгут курительные свечи, было изображение Бобошина в виде фантастического великана с головой тигра; иероглифическая надпись гласила следующее: “Моуцзы Бобошка. Повелитель тигров. Самый большой и могучий человек Шу-хая⁷. Сердце и душа великана”» [Байков, 2011, 539]. Интересно в данном случае именование Бобошки «Моуцзы». Сложно сказать, что именно имелось в виду китайскими звероловами; известно, во II – нач. III в. н.э. существовал буддийский философ по имени Моу-цзы (кит. 牟子 Mou Zi), который был одним из апологетов буддизма и для защиты учения использовал в том числе даосские термины и традиционную китайскую фразеологию [Янгутов, 2006, 357].

Взгляд Шкуркина на хунхузничество в контексте межэтнических, межкультурных взаимоотношений субъективно мифологизирует его, выстраивая синкретический образ. И, хотя многие дальневосточные писатели касались этой разбойничьей темы (Н. Байков, А. Несмелов, Б. Юльский, И. Штейнберг и др.), именно Шкуркин, в виду индивидуальных особенностей, представляет хунхузов в наиболее привлекательном виде, как людей, в душе которых есть место и доброте, и мудрости, и благородству, и старается изобличить причины самого их появления.

Заключение

Таким образом, порубежное положение русской эмигрантской диаспоры на Северо-Востоке Китая определяло их синкретические основания их ментальности. Носители дальневосточной фронтирной ментальности были людьми особого склада,

более или менее осознанно воспринимавшими местные этнокультурные особенности быта, традиций, религий и т.д. Стремясь сохранить свою родную культуру, они, тем не менее, так или иначе впитывали элементы инокультурной среды. Ввиду логоцентризма, присущего русской культурной традиции, именно в произведениях художников слова наиболее ярко отразились те процессы и тенденции, которые мы можем фиксировать в среде восточной ветви русской эмиграции. Обращаясь к китайским темам, культурной, мифологической, религиозной традициям, перенося на страницы рассказов и повестей собственный опыт изгнаннической жизни, который нередко приобретает мифологические очертания, русские писатели-этнографы демонстрировали и собственную, индивидуальную, религиозность, которая базировалась не только на их личностных качествах и особенностях восприятия, но была органично встроена в структуру фронтирной ментальности, которая была подвержена процессам маргинализации и синкретизации.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ по теме «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)»; проект № 20-012-00318

Acknowledgement

The paper is supported by a RFBR grant on the topic “Images of Russia and China in Literary Ethnography (Based on Materials from Russian and Chinese Literature, Journalism in Manchuria of the 20–40s of the 20th Century)”, project no. 20-012-00318

Библиографический список

1. Байков, Н.А. В горах и лесах Маньчжурии / Н.А. Байков. – Петроград: Т-ия Д.П. Вейсбрут. –1914. – 464 с.
2. Байков, Н.А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть / Н.А. Байков. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 736 с.
3. Байков, Н.А. Великий Ван: Повесть; Чёрный капитан: Роман / Н.А. Байков. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. – 528 с.
4. Байков, Н.А. В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги / Н.А. Байков. – Харбин, 1934. – 247 с.
5. Байков, Н.А. У костра / Н.А. Байков. Тяньцзинь: Наше знание, 1939. – 244 с.
6. Ершов, Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке // Д.В. Ершов. – М.: Центрполиграф, 2010. – 280 с.
7. Забияко, А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) / А.А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. – Благовещенск, 2010. – С. 119–139.
8. Забияко, А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2011. – №. 2. – С. 154–169.
9. Забияко, А.А. На просёлочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики / А.А. Забияко // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4-х томах. Т. 1. Проза: В 3-х частях. Ч. 1 (А–К) / Сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский Государственный университет, 2013. – С. 3–36.
10. Забияко, А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков / А.А. Забияко // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Монография / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. – С. 242–282.
11. Забияко, А.А. Религиозные традиции дальневосточного фронта в публикациях Н.А. Байкова 1901–1914 гг. / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2015. – № 1. – С. 160–175.
12. Забияко, А.П. Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Благовещенск, 2010. – С. 5–23.

13. Забияко, А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX в. / А.П. Забияко // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2009. – С. 9–35.
14. Ким, Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) / Е. Ким // Байков Н.А. Великий Ван: повесть; Чёрный капитан: роман. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. – С. 9–52.
15. Русские в Китае / Под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамутдинова. – Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. – 572 с.
16. Рифтин, Б.Л. Гуань-ди / Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – М., 2006. – Т. 2. Мифология. Религия. – С. 420–422.
17. Шкуркин, П.В. Хунхузы / П.В. Шкуркин; Сост. и подготовка текста М. Фоменко (Собрание сочинений. Т. 1). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. – 215 с.
18. Янгутов Л.Е. Моу-цзы / Л.Е. Янгутов // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 1. Философия. – 2006. – С. 357.

Текст поступил в редакцию 21.04.2020.

Принят к публикации 07.07.2020.

Опубликован 08.10.2020.

¹ См., например: Байков Н.А. Маньчжурский тигр // Общество изучения Маньчжурского края. Секция естествознания. Харбин, 1925. Вып. 1. 17 с.; Он же. В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934 и др.

² Кит. 雀儿 qiaoer – птичка, пташка, воробушек. В очерке «Легенда дремучего леса» Байков приводит более полную легенду о птице. См.: Байков Н.А. Легенда дремучего леса // В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из жизни обитателей тайги. Харбин, 1934. С. 50–51.

³ Байков Н.А. Корень жизни // В горах и лесах Маньчжурии. Харбин, 1914. С. 440–463; Он же. Корень жизни (Жень-Шень). Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1926.

⁴ См. подробнее, например: Хисамутдинов А.А. Жизнь и приключения синолога П.В. Шкуркина [Электронный ресурс] = 汉学家 П.В. 什库尔金: 生活和历险: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. Режим доступа: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>; Он же. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 150–160; Забияко А.А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на Северо-Востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 186–196 и др.

⁵ Например: Шкуркин П.В. Ло-ло: китайская легенда / Пер. с кит. Хабаровск, 1910; Он же. Белая Змея: Кит. легенда. Хабаровск, 1910; Он же. По Востоку. В 2 ч. Харбин, 1912; Он же. Груша // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 36–41; Он же. Лисицы // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 69–84; Он же. Ло-ло. Иностранцы Юго-Западного Китая. Харбин, 1916; Он же. Портрет // Вестник Азии. 1917. № 41. С. 1–21; Он же. Одежда // Вестник Азии. 1917. № 41. С. 48–52; Он же. Китайские легенды. Харбин, 1921; Он же. Легенды Востока. Харбин, 1922; Он же. Легенды из истории Китая. Харбин, 1922; Он же. Китайские сказки. Харбин, 1923; Он же. Богиня луны и лунный заяц // Вестник Азии. 1924. № 42. С. 352–361; Он же. Хунхузы: (Этногр. рассказы) // Изв. ОИМК. 1924. № 4. С. 36–57; Он же. Очерки даосизма. I–III. Харбин, 1926; Он же. Игроки: Кит. был. Харбин: 1926; Он же. Корейские сказки. Шанхай, 1941 и др.

⁶ Шкуркин П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; Он же. Игроки: Китайская был. Харбин, 1926.

⁷ Кит. 林海 shu hai – «лесное море». Так местные жители называли маньчжурскую тайгу.

References

1. Baikov N.A. *V gorah i lesah Man'chzhurii* [In the Mountains and Forests of Manchuria]. Petrograd: D.P. Vejsbrut Typography, 1914, 464 p. (in Russian).
2. Baikov N.A. *V gorah i lesah Man'chzhurii: ocherki; Tigrica: po-vest'* [In the Mountains and Forests of Manchuria: Essays: Female Tiger: Story]. Vladivostok: Rubezh, 2011, 736 p. (in Russian).
3. Baikov N.A. *Velikij Van: Povest'; Chernyj kapitan: Roman* [The Great Wang: A story; The Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manah "Rubezh", 2009, 528 p. (in Russian).
4. Baikov N.A. *V debryah Man'chzhurii. Ocherki i rasskazy iz zhizni obitatelej tajgi* [In the Depths of Manchuria. Essays and Stories about the Life of Taiga Inhabitants]. Harbin, 1934, 247 p. (in Russian).
5. Baikov N.A. *U kostra* [Beside the Fireplace]. Tianjin: Nashe znanie, 1939, 244 p. (in Russian).
6. Ershov D.V. *Hunhuzy: neobjavlennaja vojna. Jemicheskij banditizm na Dal'nem Vostoke* [Honghuzi: The Undeclared War. Ethnic Gangsterism in the Far East]. Moscow: Centrpoligraf, 2010, 280 p. (in Russian).

7. Zabyako A.A. *Rossija i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitajcy: regional'nye problemy jetnokul'turnogo vzaimodejstvija: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russian and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Relations: Collection of Proceedings of International Science and Practice Conference]. Blagoveshhensk, 2010, vol. 9, pp. 119–139 (in Russian).
8. Zabyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011, no. 2, pp. 154–169 (in Russian).
9. Zabyako A.A. *Literatura russkogo zarubezh'ja. Vostochnaja vetv': Hrestomatija: V 4-h tomah. T. 1. Proza: V 3-h chastjah. Ch. 1 (A–K)* [Literature of the Russian Abroad/ The Eastern Branch: Chrestomathy in 4 vols. Vol. 1. Prose: in 3 parts. Part 1 (A–K)]. Eds. A.A. Zabyako, G.V. Efendieva. Blagoveshhensk: Amurskij Gosudarstvennyj universitet, 2013, pp. 3–36 (in Russian).
10. Zabyako A.A., Zabyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslovijah dal'nevostochnogo frontira. Monografija* [Russian Harbin: The Experience of Life Building in the Terms of the Far Eastern Frontier]. Ed. A.P. Zabyako. Blagoveshhensk, 2015, pp. 242–282 (in Russian).
11. Zabyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2015, no.1, pp. 160–175 (in Russian).
12. Zabyako A.P. *Rossija i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitajcy: regional'nye problemy jetnokul'turnogo vzaimodejstvija: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russian and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Relations: Collection of Proceedings of International Science and Practice Conference]. Blagoveshhensk, 2010, vol. 9, pp. 5–23 (in Russian).
13. Zabyako A.P. *Russkie i kitajcy: jetnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke* [Russian and Chinese: Ethnomigrational Processes in the Far East]. Blagoveshhensk, 2009, pp. 9–35 (in Russian).
14. Kim E. *Po belu svetu (Nikolaj Bajkov. Sud'ba i tvorchestvo)* [Throughout (Nikolai Baikov. Destiny and Works)] in Baikov N.A. Velikij Van: povest'; Chjornyj kapitan: roman [The Great Wang: A Story: Black Captain: A Novel]. Vladivostok: Al'manah "Rubezh", 2009, pp. 9–52 (in Russian).
15. *Russkie v Kitae* [Russian in China]. Ed. A.A. Khisamutdinov. Shanghai: Izd. Koordinacionnogo soveta sooteche-stvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shanhae, 2010, 572 p. (in Russian).
16. Riftin B.L. *Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t.* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols.]. Moscow, 2006, vol. 2, pp. 420–422 (in Russian).
17. Shkurkin P.V. *Hunhuzy* [Honghuzi]. Ed. M. Fomenko. B.m.: Salamandra P.V.V., 2019, 215 p. (in Russian).
18. Yangutov L.E. *Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t.* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols.]. Ed. M.L. Titarenko. Moscow: Vost. lit., 2006, vol. 1, 2006, p. 357 (in Russian).

Submitted for publication: April 21, 2020.

Accepted for publication: July 07, 2020.

Published: October 8, 2020.